

ОБРАЗ ПРОШЛОГО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: АФИНСКАЯ АВТОХТОНИЯ (V – IV вв. до н.э.)

В. Р. Гуцин
НИУ «Высшая школа экономики» (Пермь)
valerii2012@yandex.ru

Valerij Gushchin
Higher School of Economics (Perm, Russia)

THE IMAGE OF THE PAST AS A POLITICAL MYTH: ATHENIAN AUTOCHTHONY

ABSTRACT. Myth of *autochthony* was very popular in Athens in the 5th and 4th centuries B.C. It states that the ancestors of the Athenians allegedly inhabited this territory from the most ancient times and were born by the Earth itself. *Autochthony* became a part of the national image and state propaganda. In the 4th century B.C. it was an integral part of the Funeral speeches that praised the exploits of the lost Athenians. The birth from earth and residence in one territory were different aspects of *autochthony*, which were merging into a single whole in the 5th century B.C. The integration of these myths occurred, perhaps, in the 5th century B.C. and was associated with the development of democracy. We however believe that it was a consequence of the Persian wars and the transformation of Athens into the Empire (*arche*).

KEYWORDS: Athens, mythology, Plato, autochthony, Euripides.

В V в. до н.э. заметно возрастает интерес афинян к их историческому прошлому. При этом сведения о прошлом чаще всего произвольно интерпретируются, либо подвергаются существенной переработке. Примеров тому немало, но мы остановимся лишь на одном сюжете. Чрезвычайно популярной идеей в это время становится *автохтония* – представление о том, что афиняне с давних времен населяли одну и ту же территорию – Аттику, и к тому же были рождены самой землей.¹ *Атохтония*, по словам П. Хардинга, ста-

---

¹ E.g. Rosivach 1987; Issac 2004, 114 ff.; Blok 2009; Roy 2014.

новится для афинян предметом особой гордости и даже частью национального имиджа и государственной пропаганды.²

Столь трепетное отношение афинян к собственной *автохтонии* со временем даже станет поводом для иронии и шуток. В платоновском диалоге «Менексен» Сократ произносит шуточную надгробную речь, которую он якобы услышал от Аспазии – жены афинского стратега Перикла. В этой речи, говоря о предках погибших афинян, она замечает: «Они не были чужеземцами и потому их потомки не считались метеками в своей стране, детьми пришельцев издалека, но были подлинными жителями этой земли, по праву обитающими на своей родине и вскормленными не мачехой, как другие, а родимой страной, кою они населяли; и теперь они, пав, покоятся в родимых местах той, что их произвела на свет, вскормила и приняла в свое лоно» (Plato, *Menex.* 237 b–c, пер. С.Я. Шейнман–Топштейн). Заметим кстати, что речь Сократа (или Аспазии) пародирует так называемую Надгробную речь Перикла, в которой тот не без гордости говорил, что предки афинян неизменно обитали на территории Аттики (Thuc. II. 36.1).³

Несмотря на иронию, Платон, по-видимому, серьезно относился к *автохтонии*, миф о которой должен был стать своего рода идеологической скрепой, призванной объединять граждан рисуемого им идеального государства: «Я попытаюсь внушить сперва самим правителям и воинам, а затем и остальным гражданам, что все то, в чем мы их воспитали и вырастили, представилось им во сне как пережитое, а на самом-то деле они тогда находились под землей и вылепливались и возвращались в ее недрах – как сами они, так и их оружие и различное изготовляемое для них снаряжение. Когда же они были совсем закончены, земля, будучи их матерью, произвела их на свет. Поэтому они должны и поныне заботиться о стране, в которой живут, как о матери и кормилице, и защищать ее, если кто на нее нападет, а к другим гражданам относиться как к братьям, также порожденным землей (γγγενῶν)» (Plato, *Resp.* 414 d–e, пер. А. Егунова).

Очевидно, перед нами политический или общественно-исторический (в терминологии Г.С. Кнабе) миф, в котором нашли своеобразное (фантастическое) отражение представления о древнейшем прошлом афинского полиса, его предыстории.⁴ Подобная «историческая» (ре)конструкция, диктуемая потребностями настоящего, оказалась востребованной и стала частью существовавших тогда идеологических конструкций.⁵

² Harding 2008, 16; см. также: Saxonhaus 1986, 255; Rosivach 1987, 302; Cohen 2000, 83.

³ Saxonhaus 1986, 258; Engels 2012.

⁴ Кнабе 1993, 456 и сл.

⁵ Гигаури, Гуторов 2017, 28.

Что же вызвало миф об *автохтонии* к жизни и сделало востребованным? Этот вопрос стал предметом оживленного обсуждения.⁶ Прежде всего, отмечается связь представлений об *автохтонии* с процессом формирования этнической или региональной идентичности.⁷ По мнению Н. Лоро, миф об *автохтонии* мог быть основанием символической репрезентации коллективного единства афинских граждан.⁸ Она также полагала, что возникновение этого мифа, лежащего в основании политического объединения, должно было предшествовать складыванию полиса.⁹ Другие исследователи, наоборот, склонны считать, что подобная мифология появляется много позднее и связана с политическими процессами, в частности, с развитием демократии.¹⁰ Отмечается, что основной массив сведений, касающихся исследуемой проблемы, датируется V и IV вв. до н.э., когда *автохтония* становится частью национального имиджа и государственной пропаганды.

Есть, впрочем, и другие точки зрения. Д. Коэн, например, полагает, что значение *автохтонии*, ставшей в V в. до н.э. частью националистической мифологии, несколько преувеличивается исследователями.¹¹ А в IV в. до н.э. упоминания о ней, по его мнению, вообще превращаются в идеологическую и риторическую банальность.¹² С ним солидарен К. Пеллинг, который считает упоминания *автохтонии* афинскими ораторами трюизмом.¹³

Попробуем разобраться в этом вопросе. Начнем с того, что миф об *автохтонии* имеет две составляющие: с одной стороны, он содержит в себе представления о том, что афиняне были коренными жителями Аттики, населявшими ее с незапамятных времен, а с другой, называет их «рожденными самой землей», в данном случае – землей Аттики.¹⁴ Некоторые исследователи считают их двумя различными мифами, которые не сразу объединились в одно целое.¹⁵

⁶ Loraux 1989, 1993, 2000, Blok 2009, 251, 253 и сл.; Forsdyke 2012.

⁷ Hall 1997, 25; см. также: Forsdyke 2012, 121, 139. О роли политической мифологии в нацистроительстве см. Гигаури, Гуторов 2017, 26.

⁸ Loraux 1993, 6, 37.

⁹ Афина, замечает она, господствовала на акрополе еще до *синойкизма* Тезея, т.е. до политического объединения Аттики (Loraux 1979, 3–4).

¹⁰ Saxonhaus 1986, 255; Rosivach 1987; Leão 2012.

¹¹ Cohen 2000, 83, 87–88.

¹² Cohen 2000, 83.

¹³ Pelling 2009, 474

¹⁴ Rosivach 1987, 294; Cohen 2000, 92; Blok 2009; Roy 2014.

¹⁵ См., например: Rosivach, 1987; Forsdyke 2012, 124, note 12.

Поговорим о каждом из этих мифов. Одной из составляющих рассматриваемого мифа было представление о рождении земель афинских царей. Согласно мифологической традиции первые афинские цари имели хтоническое происхождение, т.е. были рождены землей.¹⁶ Первым царем следует, по-видимому, признать Кекропа, рожденного землей (*Eur. Ion.* 1163–1164, *Apoll.* III. 14. 1).¹⁷ Его тело представляло собой соединение тел человека и дракона или змеи.¹⁸ После Кекропа правил самый могущественный, по словам Павсания, царь – Кранай, также рожденный землей (*Paus.* I. 2. 6, 31,3).

Особо следует сказать об Эрихтонии. В мифологии он изображается как предшественник Эрехтея, хотя не менее вероятно, что оба персонажа просто дублируют друг друга. В связи с отмечаемой исследователями путаницей в именах, мы следуем традиционному объединению их в одно целое – Эрихтоний/Эрехтей (или Эрехтей/Эрихтоний).¹⁹ Поздние античные антиквары считают, что Эрихтоний занял престол лишь после изгнания Амфиктиона (*Paus.* I.2.6), однако афинская вазопись нередко сближает Кекропа и Эрихтония/Эрехтея, представляя одного наследником другого.²⁰

Эрихтоний/Эрехтей считается сыном Гефеста и Аттиды.²¹ Согласно наиболее известной мифологической версии он был рожден от упавшего в землю семени Гефеста, который попытался сойтись с богиней Афиной (*Apoll.* III. 14. 6, *Eratosth. Catast.* 13).²² Несмотря на то, что Афина отвергла Гефеста, родившийся в итоге ребенок был ей принят и отдан на попечение дочерям Кекропа.²³ Аполлодор рассказывает о ларце, в котором был спрятан обвитый змеей или драконом младенец (*Apoll.* III. 14. 6).²⁴

¹⁶ Parker 1987, 193 и сл.; Kearns 1989, 110–112.

¹⁷ Parker 1987, 193. Павсаний первым афинским царем называет некоего Актея, жившего еще до Девкалионова потопа (*Paus.* 1.2.6). Кекроп в этом случае оказывается первым царем, правившим после потопа.

¹⁸ Rosivach 1987 295. Аттидограф Филохор попытался дать этому рациональное объяснение, предположив, что Кекроп имел очень длинное тело (*FgrHist* 328 F93).

¹⁹ См., например: Loraux 1979, 8, note 29; Parker 1987, 193; Cohen 2000, 84–85; Forsdyke 2012, 127, note 20.

²⁰ Parker 193, note 28. Отмечается, что мифологическая история Эрихтония несколько богаче, чем у Эрехтея (Ковалева 2004, 131).

²¹ Аттидограф Гелланик называет Эрихтония сыном Посейдона (*FgrHist.F.65*).

²² Ковалева 2004, 129 и сл. В оплодотворении земли семенем Гефеста Н. Лоро видит символический акт рождения полиса, который будет связан с именем Афины (Loraux 1979, 3).

²³ Ковалева 2004, 129.

²⁴ Р. Паркер отмечает наличие разночтений в мифологической традиции. В ней не дается точный ответ на вопрос о том, кто же в действительности был первым

Эрехтей/Эрихтоний тайно воспитывается Афиной в ее храме и, выросши, становится царем Афин. А вот гомеровский рассказ об Эрехтее, который как будто списан с рассказа об Эрихтонии:

<.... > град велелепный Афины,
 Область царя Эрехтея, которого в древние веки
 Мать-земля родила, воспитала Паллада Афина,
 И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
 Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
 Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных...
 (П. П. 546–551, пер. Н. Гнедича).

О рождении Эрехтея землей говорят и другие авторы (Herod. VIII.55, ср.: Soph. *Ajax*, 202, Eur. *Ion*. 266–267).²⁵

Итак, первые афинские цари имели хтоническое происхождение, которое, скорее всего, было продиктовано религиозными представлениями, связанными с аристократической системой ценностей.²⁶

Надо сказать, что представления о хтоническом происхождении царей или героев были характерны и для других полисов Греции. Достаточно вспомнить фиванских «спартов» – воинов, родившихся от зубов дракона (Paus. IX. 5.3, Apoll. III.4.1). Эсхил в «Просительницах» называет аргосского царя Пеласга сыном Палехтона (Palaichthonos), что должно было подчеркивать хтоническое происхождение последнего (Aesch. *Suppl.* 250–251).²⁷ И эти примеры не единичны.

В. Розивач датирует появление представлений о рождении землей V в. до н.э., связывая их с этимологическим буквализмом.²⁸ Однако изображения рождаемых землей афинских царей и, в частности, Эрехтея появляются уже в эпоху архаики.²⁹ К тому же, если приведенные выше строки Гомера не были позднейшей вставкой, можно предполагать, что представления о рожде-

автохтоном – получеловек-полузмея Кекроп или Эрихтоний/Эрехтей, который нередко изображался наполовину змеей (Parker 1987, 193 f.). Н. Лоро видит в этом отголоски известного спора Посейдона и Афины за право быть почитаемыми афинянами. При этом Кекроп по одной из версий мифа выступал либо арбитром в споре, либо представлял сторону Посейдона (Logaux 1979, 4).

²⁵ E.g. Rosivach 1977. Ион в одноименной трагедии Еврипида узнает об этом благодаря живописи (*en graphe*) (Eur. *Ion*, 271).

²⁶ Rosivach 1987, 295; Connor 1993, 205; Lape 2010, 100–101.

²⁷ См. также: Rosivach 1987, 298; Hall 1997, 53, note 143.

²⁸ Rosivach 1987, 297–301; Cohen 2000, 84.

²⁹ Shapiro 1998, 130–133; Isaac 2004, 121

нии Эрехтея земель восходят к глубокой древности.³⁰ Другими словами, не понятие породило явление, а явление – понятие.

В качестве дополнительного аргумента в пользу древности хтонических представлений можно привести свидетельства, относящиеся к другим полисам. Ограничимся упоминанием Павсания, рассказывающего о рожденном землей аркадянине Пеласге, цитирующего в качестве подтверждения поэта эпохи архаики Азия (Paus. VIII.1.4).³¹

Отметим также, что в некоторых источниках афиняне называются «народом Эрехтея» (П. П. 547) или Эрехтеидами (e.g. Pind. *Isthm* 2. 29, ср. Ar. *Eq.* 1015–1022).³² А вот Геродот считает, что при нем жители Аттики стали называться афинянами: «...Что до афинян, – отмечает он, – то они в то время, когда пеласги владели так называемой ныне Элладой, были пеласгами и назывались кранаями. А при царе Кекропе их называли кекропидами. Когда же затем царем стал Эрехтей, они получили имя афинян и, наконец, по имени их предводителя Иона, сына Ксуфа, – ионян» (Herod. VIII. 44, здесь и далее пер. Г. Стратановского, ср. Herod. I. 56–58, II. 56; Marm. *Par.* 10).

Геродот полагал, что в глубокой древности все греки кроме дорийцев были пеласгами, либо находились под их властью. А сама Греция в глубокой древности называлась Пеласгией (Herod. II. 56).³³ «До своего объединения с пеласгами, – замечает он, – элины были немногочисленны. Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен» (Herod. I. 58, пер. Г. Стратановского).³⁴

Считая язык пеласгов варварским, Геродот заключает отсюда, что и афиняне должны были говорить на этом языке, т.е. могли считаться варварами. Лишь позднее, став ионийцами, они усвоили греческую речь и сделались

³⁰ Parker 1987, 193, note 30.

³¹ См. Nielsen 1999, 32.

³² E.g. Cohen 2000, 85.

³³ Laird 1933, 98.

³⁴ Пеласги, по словам Геродота, населяли лишь часть Аттики – подошву горы Гиметт, которую сами афиняне отдали им в награду за возведение стены вокруг акрополя (Herod. VI. 137). Но позднее афиняне изгоняют пеласгов из Аттики (Herod. VI. 137–140). Возможно, впрочем, что у подошвы Гиметта жили лишь те пеласги, которые остались в Аттике после изгнания (Laird 1933, 99, см. также: Cohen 2000, 92; Sourvinou-Inwood 2003, 104–105; Gruen 2010, 239).

греками.³⁵ Впрочем, некоторые исследователи с недоверием относятся к сообщению Геродота, объясняя его позицию дорийским происхождением.³⁶

Иного мнения придерживался Страбон, который называл древних обитателей Аттики ионийцами и считал, что ионический диалект тождествен древнеаттическому (Strabo VIII. 1.2, с. 315–316). В другом месте он замечает, что Аттика в древности называлась Ионией (Strabo IX. 1.5, с. 392).

Скажем несколько слов и об Ионе. Источники определяют его приход как *синойкизм*. Предполагается, что афиняне стали именоваться ионийцами лишь после того, как Ион переселился в Афины, (συνοικησάντος δὲ Ἴωνος αὐτοῖς τότε πρῶτον Ἴωνες ἐκλήθησαν) (e.g. Epit. Heracl. 1, ср. Arist. Ath. Pol. 41.2).³⁷ С его приходом жители Афин и Аттики были распределены по четырем филлам, которые впоследствии будут именоваться ионийскими (Herod. V. 66, Strabo. VIII. 7. 1., с. 383). Хотя Поллукс связывал появление афинских фил с Эрехтеем (Pollux. VIII. 109), считается, что филы носили имена сыновей Иона: Гелеонта, Эгикора, Аргада и Гоплета (e.g. Eur. Ion, 1575–1580).

Любопытно, что мы почти не слышим о хтоническом происхождении Иона. В одноименной трагедии Еврипида ее главный герой высказывает робкое предположение на этот счет, но получает весьма категоричный ответ. Ксуф в ответ на предположение Иона, ничего не знавшего о родителях, о его рождении земель не без издевки замечает: «Не родит земля детей» (Eur. Ion. 542, пер. И. Анненского).³⁸ Дело, быть может, не только в рационализме или скептицизме Еврипида, но и в том, что, *автохтония* понимается им иначе. Об этом пойдет речь ниже.

У.Р. Коннор полагает, что процесс превращения в ионийцев означал усвоение отсталыми ранее афинянами более высоких – ионийских культурных образцов.³⁹ И лишь позднее, под влиянием исторических событий, афиняне изменили отношение к своему ионийскому происхождению, отдав

³⁵ «...Пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов» (Herod. I. 57). Правда, в следующей главе он замечает, что эллины всегда говорили на одном и том же языке (Herod. I. 58; Sourvinou-Inwood 2003, 121, 125).

³⁶ E.g. Thomas 2000, 120–122 и 2001, 222–225.

³⁷ См. также: Rhodes 1993, 66. Справедливо удивление П. Родса, замечаящего, что Ион становится предком всех ионийцев даже не будучи афинским царем (ibid).

³⁸ Cohen 2000, 86.

³⁹ По мнению У.Р. Коннора, этот процесс мог быть связан с процессом формирования аристократии (Connor 1993, 200).

предпочтение мифу об *автохтонии*.⁴⁰ Таким образом, если первоначально афиняне идентифицировали себя как ионийцев, то позднее на первый план выходит идея *автохтонии*. Противопоставление *автохтонии* и ионийства нашло поддержку у ряда авторов.⁴¹ Однако К. Захария не считает эти идеи противоречащими друг другу. Наоборот, ионийство, полагает она, внушало афинянам гордость, поскольку их ионийские союзники обретали благодаря этому афинское происхождение.⁴² А сами афиняне, добавим мы, получали дополнительные основания для лидерства, которое будет подкреплено военными успехами в период греко-персидских войн, а затем воплотиться в создании Морского союза.

Завершая разговор об этом аспекте мифа, еще раз отметим, что хтоническое происхождение не сразу увязывается с *автохтонией*, поскольку последней в большей мере подчеркивался факт давнего, исконного проживания на какой-либо территории.⁴³ Такова и предположительная этимология термина *autochthon* (plur. *autochthones*).⁴⁴ По этой причине понятие противоположное термину *авхтохтон* – пришелец.⁴⁵

Для Геродота *автохтония* означала не столько рождение земель, сколько исконное проживание на данной территории.⁴⁶ Рассказывая об ионийцах и дорийцах, он замечает, что «ионийское племя никогда не покидало своей земли, дорийское же – очень долго странствовало (*πολυπλάνητον*)» (Herod. I. 56, пер. Г. Стратановского).⁴⁷ В этом случае *автохтония*, хотя термин здесь не и упоминается, призвана подчеркнуть не просто отличие, но превосходство ионийцев над дорийцами.⁴⁸

А вот что говорит афинский посол сиракузскому тирану Гелону, претендовавшему на командование союзным флотом в период греко-персидских войн: «Ведь, пожалуй, напрасно стали мы самой могущественной морской державой среди эллинов, если мы афиняне, древнейший народ, единственные из эллинов, которые не являются пришельцами, уступим сиракусянам

⁴⁰ Connor 1993, 201 и сл.

⁴¹ Hall 1997 53–56; Roy 2014, 246.

⁴² Zacharia 2003, 45–46, 50.

⁴³ E.g. Rosivach 1987, 295, 300–301; Forsdyke 2012, 132 сл.

⁴⁴ Rosivach 1987, 301; см. также: Tsitsiridis 1998, 200.

⁴⁵ Cohen 2000, 93; Blok 2009, 251–252; Roy 2014, 242.

⁴⁶ См.: Cohen 2000, 92; Blok 2009, 251 и сл.

⁴⁷ Cohen 2000, 91 сл.

⁴⁸ Об антидорийской составляющей мифа см.: Parker 1987, 195. По мнению В. Розивача, подобные идеи могли возникнуть в период начинавшегося соперничества афинян и спартанцев (Rosivach 1987, 297).

морское командование» (Herod. VII. 161).⁴⁹ Хотя Геродот не называет афинян автохтонами, речь в данном случае идет именно об *автохтонии*, дававшей им основания заявлять о своем превосходстве.

Давнее проживание на территории Аттики упоминается и в комедии Аристофана «Осы»: «Мы, – провозглашает хор, – природные граждане здесь в Аттической земле (Ἀττικοὶ μόνοι δικαίως ἐγγενεῖς αὐτόχθονες)» (Ar. *Vesp.* 1076, пер. А. Пиотровского). И Перикл в упоминавшейся ранее Надгробной речи, также замечает, что предки афинян всегда и неизменно обитали в этой стране, т.е. в Аттике (Thuc. II. 36.1).

Правда, Фукидид подыскивает афинской *автохтонии* весьма прозаическое объяснение. «В Аттике же при скудости ее почвы очень долго не было гражданских междоусобиц, и в этой стране всегда жило одно и то же население» (Thuc. I. 2.5, пер. Г. Стратановского, ср. *Strabo* VIII. 1.2, с. 316).⁵⁰ Сообщает Фукидид и о том, что и сама Аттика становилась местом, куда приходили спасавшиеся от различных нашествий переселенцы, немалая часть которых влилась со временем в ряды афинской элиты (e.g. Thuc. I.2).⁵¹ Историк, по-видимому, весьма сдержанно относился к тому, что было предметом гордости для Перикла и афинян.⁵² Очевидно, во всяком случае, что Фукидид никоим образом не связывал длительность проживания на одной и той же территории с фактом (а точнее – мифом) рождения данной землей.

Кстати, упоминавшийся выше приход Иона, т.е. переселенцев в Аттику, и превращение афинян в ионийцев, противоречит представлению о том, что они не были пришельцами и не смешивались с чужаками. Быть может, по этой причине Геродот и Фукидид не пользуются понятием автохтон/автохтоны по отношению к афинянам.⁵³

Впрочем, это противоречие несколько не влияло на рассматриваемые мифологические представления. В какой-то мере оно сглаживалось в трагедии Еврипида «Ион». В ней родоначальник ионийцев Ион получает афинское происхождение, причем обстоятельства его появления на свет и воспитания напоминают рождение Эрехтея. Правда, *автохтония* связывается

⁴⁹ Grethlein 2006. На этом основании Б. Исаак делает вывод, что афиняне считали себя древнейшим из народов только потому, что не были пришельцами (Isaac 2004, 114). Нам представляется, что это различные аспекты представлений об *автохтонии*. Древними народами могли быть и пришельцы, и наоборот – постоянное проживание на одной территории не гарантировало древность.

⁵⁰ Loraux 2000, 16.

⁵¹ См. также: Forsdyke 2012, 134–135.

⁵² E.g. Cohen 2000, 92.

⁵³ Blok 2009, 263.

здесь с давним проживанием на одной территории. Вот что замечает по этому поводу Ион, обращаясь к Ксуфу, еще не знающий о своих афинских корнях:

...Но слушай, что приходит
 Мне в голову: афинский род исконный,⁵⁴
 Не пришлый род, и славен город ваш
 (...εἶναί φασι τὰς αὐτόχθονας κλεινὰς Ἀθήνας οὐκ ἐπέισακτον γένος)
 (Eur. *Ion*. 588–590, пер. И. Аннеского).

И в другой, дошедшей до нас в отрывках, трагедии «Эрехтей», датированной временем Пелопоннесской войны, Еврипид подчеркивает приоритет тех народов, которые ниоткуда не пришли, но всегда населяли одну и ту же территорию. Жена Эрехтея здесь превозносит те полисы, жители которых с давних пор их населяли, противопоставляя тем самым афинян и спартанцев (Eur. *Erechth*. Fr. 360 K, цит. по: *Лукурт*. Против Леократа, 100, пер. Т. В. Прушакевич):

Я размышляла долго: этот город наш,
 Всех лучше он на свете государств.
 Земли мы этой дети, не пришельцы мы.
 Другие ж города разбросаны кругом,
 Как шашки на доске, по воле случая.
 Все – выселки они из разных городов.
 А кто, свой город бросив, селится в другой,
 Подобен ветке вялой на живом стволе.
 По слову – гражданин, на деле ж – вовсе нет.⁵⁵

Итак, рождение земель и давность проживания на одной территории первоначально были различными аспектами рождающегося мифа.⁵⁶ Выше мы уже говорили о том, что миф о рождении земель первых афинских царей появился, скорее всего, в период архаики и был связан с формированием аристократической системы ценностей. А вот объединение этих самостоятельных в сущности мифов происходит в V в. до н.э. и чаще всего связывается исследователями с политическими процессами, а именно, с развитием демократии.⁵⁷ Тогда же, полагает С. Форсдаик, идея давнего проживания на одной территории выдвигается на первый план, постепенно

---

⁵⁴ При переводе опущен глагол «говорят» (φασι), т.е. слова Иона не столько утверждение, сколько передача сказанного другими.

⁵⁵ См. также: Pelling 2009, 471.

⁵⁶ Rosivach 1987, 294.

⁵⁷ Rosivach 1987, 301; Cohen 2000, 82; Blok 2009, 261.

замещая идею происхождения афинян от рожденных землей правителей.⁵⁸ Она связывает это с националистическими устремлениями афинян, усилившимися в это время в результате соперничества, а затем и войны со Спартой. Таким способом, с одной стороны, прокламировалась «расовая чистота» афинян, а с другой – они противопоставлялись спартанцам.⁵⁹

Действительно, представления об *автохтонии* в данный период могут рассматриваться в комплексе идей, с помощью которых афиняне идентифицировали себя, противопоставляя жителям других греческих полисов.⁶⁰ Определенно и то, что упомянутые представления способствовали укреплению гражданской солидарности и этнического единства.⁶¹ Но только ли демократия была тому причиной? Если рождение землей имело отношение к аристократической системе ценностей, о чем было сказано выше, смещение акцента в сторону исконного проживания на одной территории, пожалуй, может быть связано с ее ослаблением в условиях демократизации. Но дело не только в этом. Идея превосходства и гордость афинян своим могуществом в большей мере могла быть следствием греко–персидских войн и превращением Афин в лидера Морского союза, т.е. с обретением статуса империи (*архэ*).⁶²

Миф об *автохтонии* сохраняет свою актуальность и в IV в. до н.э. Ссылки на него довольно часты в так называемых надгробных речах – эпитафиях (*epitaphioi logoi*), произносившихся при коллективном захоронении погибших воинов.⁶³ Традиция коллективных захоронений и произнесения подобных речей возникает, скорее всего, в V в. до н.э. О том, как это происходило, мы узнаем от Фукидида. В его «Истории» Надгробную речь при погребении погибших воинов произносит афинский стратег Перикл. Вот что этому сопутствовало:

«Той же зимой афиняне совершили, по обычаю предков, от имени государства торжественную церемонию погребения воинов, павших в первый год войны. Останки павших за три дня до погребения, по обычаю, выставляются в разбитом

---

⁵⁸ Forsdyke 2012, 132.

⁵⁹ *Ibidem*. Об «этнической (расовой) чистоте» см. Connor 1994, 37-39; Hall 1997, 54; Shapiro 1998, 151. Стремление к «расовой чистоте» нередко усматривают и в неизвестном законе Перикла о гражданстве 451/0 гг. до н.э. (Forsdyke 2012, 135; Leão 2012, 136).

⁶⁰ Shapiro 1998, 151; Lape 2010, 100-101; Roy 2014, 246.

⁶¹ Lape 2010, 99.

⁶² Hölscher 2008, 321, 325.

⁶³ С. Форсдайт видит в этом стремление афинян сохранить внутреннее единство после социальных потрясений конца V в. до н.э. (Forsdyke 2012, 137).

для этого шатре, и всякий приносит своему близкому дар, какой пожелает. При погребении останки везут на повозках в кипарисовых гробах – на каждую филу по одному гробу с останками погибших из этой филы. Несут еще одно покрытое ковром пустое ложе для пропавших без вести, тела которых после битвы нельзя было найти и предать погребению. Любой из граждан и иностранцев имеет право присоединиться к похоронной процессии. Участвуют в погребальной церемонии также и женщины, оплакивая на могиле своих близких. Павших погребают в государственной гробнице, находящейся в красивейшем предместье города. Здесь афиняне всегда хоронят погибших в бою, за единственным исключением павших при Марафоне, которым был воздвигнут могильный курган на самом поле битвы как дань их величайшей доблести. Когда останки преданы земле, человек, занимающий в городе, по всеобщему признанию, первенствующее положение за свой высокий ум и выдающиеся заслуги, произносит в честь павших подобающее похвальное слово. Затем все расходятся. Так происходит у афинян торжественная церемония погребения» (Thuc. II. 34. 1–7, пер. Г. Стратановского).⁶⁴

Позднее ритуал коллективного погребения погибших претерпевает существенные изменения. «Их оплакивают, – говорит Лисий, – за их природу как смертных, а прославляют как бессмертных за храбрость. Поэтому их погребает государство; в честь их устраивают состязания в силе, уме и богатстве на том основании, что погибшие на войне заслуживают почитания наравне с бессмертными» (Lys. II. 80, пер. С.И. Соболевского). Другими словами, погребение погибших воинов сопровождалось спортивными и, возможно, поэтическими состязаниями, что делало их похожими на погребение эпических героев или аристократов.⁶⁵

Аристотель относит надгробные речи к категории эпидейктических речей.⁶⁶ «Дело эпидейктических речей, – говорит он, – хвалить или порицать» (Arist. *Rhet.* 1358 b13). И далее: «Для людей, произносящих хвалу или хулу, целью служит прекрасное и постыдное» (1358 b 26, пер. Н.Платоновой). Другими словами, подобного рода речи можно считать дидактическими, призванными продемонстрировать единство государства и отдельного человека.⁶⁷

Неотъемлемой частью такого рода речей было упоминание о прошлом и героических подвигах предшественников. Естественно, что представления о прошлом и, в частности, об *автохтонии* служили упомянутым целям, т.е. могли каким-то образом переосмысливаться и видоизменяться.

Впрочем, нечужеземное происхождение афинян сохраняет свою значимость и служит одним из оснований для восхваления. Об этом, в частности,

⁶⁴ E.g. Immerwahr 1973.

⁶⁵ Carey 2007, 241.

⁶⁶ E.g. Carey 2007.

⁶⁷ Immerwahr 1973, 27.

идет речь у Платона в ранее приведенном отрывке из диалога «Менексен» (Plato, *Menex.* 237b). Еще раз заметим, что звучащая в нем надгробная речь Сократа (или Аспазии) пронизана иронией, которая в равной мере касается и погребального ритуала.⁶⁸

А вот что говорит афинский оратор Лисий: «Прежде всего, начало их (афинян – В.Г.) жизни было справедливо: они поселились не в чужой земле, подобно большинству народов, сойдясь со всех сторон и изгнав других, но они были исконными жителями (αὐτόχθονες ὄντες): одна и та же земля была их матерью и отчиной» (Lys. II.17, пер. С. И. Соболевского, ср. II, 43).

Исократ в «Панафинейской речи» заявляет, что афиняне раньше других подошли к цивилизации: «Первыми основав города и введя в употребление законы, они всегда сохраняли почтение к богам, а к людям – справедливость. К тому же наши предки – не какая-нибудь смесь и не чужеземные переселенцы, а единственные коренные жители среди эллинов (ἀλλὰ μόνους αὐτόχθονας τῶν Ἑλλήνων)» (Isocr. XII. 124, пер. И.А. Шишовой).

Демосфен, впрочем, добавляет к афинянам жителей Аркадии – «из всех людей вы и они – единственные люди – дети своей земли» (μόνοι γὰρ πάντων αὐτόχθονες ὑμεῖς ἐστε καθεῖνοι) (Demosth. XIX. 261, пер. С.И. Радцига). О древности жителей Аркадии говорят Геродот и Ксенофонт (Herod. II. 171, VIII.73, Xen. *Hell.* 7.1.23)⁶⁹. В одном из фрагментов Аристотеля говорится даже, что они старше, чем луна (*proselenoi*) (Arist. fr. 591 Rose, ср. *FGrHist* 344 fr.7).⁷⁰

Дополнить сказанное выше можно словами оратора Ликурга, описывающего ужас афинян после сообщения о поражении в битве при Херонее (338 г. до н.э.): «Как же много ужасного происходило в городе в то время, и все граждане терпели величайшие несчастья; больше всего каждый гражданин страдал и оплакивал несчастья города, видя, что народ постановил сделать рабов – свободными, чужеземцев – афинянами, лишенных гражданской чести – гражданами; это – тот народ, который прежде гордился своей автохтонностью и свободой» (Lys. I. *Contra Leocr.* 41, пер. Т.В. Прушакевич).

Заметим, что в упомянутых речах не делается акцент на рождении афинян землей, хотя оно, очевидно, предполагается. Об этом говорится в ранее приводившемся отрывке из платоновского «Государства». Граждане его идеального государства, будучи рожденными землей, должны были по этой причине «заботиться о стране, в которой живут, как о матери и кормилице, и защищать ее, если кто на нее нападет, а к другим гражданам относиться как к братьям, также порожденным землей» (Plato, *Resp.* 414 d–e, пер.

⁶⁸ E.g. Wickkiser 1999.

⁶⁹ Nielsen 1999, 72, note 131; см. также: Blok 2009, 255–256.

⁷⁰ Nielsen 1999, 36; Loraux 2000, 15; Roy 2011, 74 и 2014, 247.

А. Егунова). Таким образом, если рождение земель распространяется на весь коллектив граждан – будь то граждане идеального государства или афиняне – все они, по мысли Платона, превращаются в братьев, имеющих одну мать, т.е. становятся большой семьей.⁷¹

Бросаются в глаза и другие новации, появившиеся в представлениях об *автохтонии*. Исконное (автохтонное) проживание на одной территории – в данном случае – на территории Аттики, наделяло ее жителей (как живых, так и погибших) благородством. Для Демосфена, например, благородство являлось следствием того, что афиняне не были чужеземцами на своей земле (Demosth. 60.4).⁷²

О связи *автохтонии* и благородства говорит в «Панегирике» и Исократ: «Мы не смешаны с другими, не собраны из разных племен. Наше происхождение чисто и благородно, потому что землю, от которой мы родились, мы заселяли испокон веков. Мы – автохтоны и можем обращаться к нашему городу с теми же именами, какими мы называем близких родственников» (Isocr. IV. 24, пер. К. М. Колобовой). И далее: «Таким и должно быть начало истории у тех, кто хочет испытывать чувство законной гордости за свою страну» (IV.25).

Те же идеи звучат и в надгробной речи оратора Гиперида в память о павших в Ламийской войне: «Когда произносят речь об афинских мужах, общее происхождение которых – ведь они автохтоны – ставит их благородство вне сомнения (ἡ κοινὴ γένεσις αὐτόχθοσιν οὖσιν ἀνυπέμβλητον τὴν εὐγένειαν ἔχει), я думаю, излишне прославлять отдельные родословные» (Huper. VI. 7, пер. Л. М. Глушиной).⁷³

Нередко, размышляя об *автохтонии* и ее связи с процессами демократизации в Афинах V в. до н.э., исследователи ссылаются на Аристотеля. В «Риторике», рассуждая о благородстве (*eugeneia*) он замечает: «Быть благородного происхождения для какого-нибудь народа или государства значит быть автохтонами или исконными [обитателями данной страны], иметь своими родоначальниками славных вождей и дать из своей среды многих мужей, прославившихся тем, что служит предметом соревнования» (Arist. *Rhet.* 1360 b30–33, пер. Н. Платоновой).⁷⁴

На этом основании делается вывод, что благородство, связанное с аристократической системой ценностей, распространялось на всех афинян, которые через миф об *автохтонии* обретают благородное происхождение

⁷¹ Loraux 2000, 18.

⁷² Frangeskou 1999, 329.

⁷³ Frangeskou 1999, 319; Loraux 2000, 18–19.

⁷⁴ См. также: Connor 1993, 205, note 37; Rosivach 1987, 301; Blok 2009, 254.

или генеалогию.⁷⁵ Р. Томас видит в этом приспособление аристократического лексикона к новым, демократическим условиям.⁷⁶

Отчасти с этим можно было бы согласиться. Однако приведенные выше отрывки, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что связь *eugeneia* и *автохтонии* скорее всего возникает в IV в. до н.э. и едва ли может быть объяснена только процессами демократизации. Отметим, что эта идея сопутствовала ритуалу коллективного погребения погибших воинов, приравнивавшихся таким образом к эпическим героям. В этом случае акцентирование связи *eugeneia* и *автохтонии* могло быть дидактическим приемом, характерным для эпидейктических речей. Нельзя, впрочем, исключать и того, что, связь *eugeneia* и *автохтонии* – результат переосмысления традиционных представлений.

Завершая наш разговор, заметим, что миф об *автохтонии* проделал заметную эволюцию. Начало ему было положено представлениями о рождении земель первых афинских царей, что, пожалуй, было связано с формированием аристократической системы ценностей.⁷⁷ Однако со временем *автохтония* в большей мере будет связана с исконным, давним проживанием на одной территории. Предметом гордости афинян станет то, что они не были пришельцами, чужаками на своей земле. В IV в. до н.э. эти представления получают новое звучание. Рождение земель и исконное проживание распространяется на весь коллектив граждан, превращающихся таким образом в одну большую семью. *Автохтония* при этом становится синонимом благородства.

Все эти перемены можно было бы считать следствием демократизации, происходившей в V в. до н.э. Подобные идеи, безусловно, лежали в основании гражданской солидарности. Однако демократизация, на наш взгляд, лишь давала им старт. Укоренение и последующая эволюция мифа об *автохтонии* была связана с иными политическими и идеологическими процессами. В большей мере это стало результатом греко-персидских войн и превращения Афин в лидера Морского союза. Эти процессы, давшие начало идеям национального (государственного) превосходства, привели, на наш взгляд, к актуализации превращенных в миф представлений о прошлом.

---

⁷⁵ См. об этом: Blok 2009, 258.

⁷⁶ Thomas 1989, 213, 217–219. Она обращает внимание на то, что демократия согласно афинским Эпитафиям появляется не в результате реформ Клисфена или Эфиальта, а значительно раньше. Демосфен, например, считал, что равноправие (*isegoria*) в Афинах установил не кто иной, как Тезей (Demosth. LX. 28, Thomas 1989, 234, Гуцин 2018).

⁷⁷ Lape 2010, 100–101.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гигаури, Д.И., Гуторов, В.А. (2017) "Политический миф в структуре исторической памяти," *Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки*, 24–45.
- Гущин, В.Р. (2018) "Тезей и установление демократии в Афинах," *Pentekontaetia. Исследования по античной истории и культуре*. Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Сеницына. Москва–С.-Петербург, 44–49.
- Кнабе, Г.С. (1993) *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*. Москва.
- Ковалева, И.И. (2004) "Эрихтоний: миф в структуре Панафиней," *Вестник древней истории* 4, 129–134.
- Blok, J.H. (2009) "Gentrifying Genealogy: On the Genesis of the Athenian Autochthony Myth," U. Dill & Chr. Walde, eds. *Antike Mythen. Medien, Transformationen, und Konstruktionen*. Berlin, 251–275.
- Carey, C. (2007) "Epidictic Oratory," I. Worthington, ed. *A Companion to Greek Rhetoric*. Wiley–Blackwell, 236–252.
- Cohen, D. (2000) *The Athenian Nation*. Princeton.
- Connor, W.R. (1993) "The Ionian Era of Athenian Civic Identity" *Proceedings of the American Philosophical Society* 137, 194–206.
- Connor, W.R. (1994) "The Problem of Athenian Civic Identity," A.L. Boegehold, A.C. Scafuro., eds. *Athenian Identity and Civic Ideology*. Baltimore, 34–44.
- Engels, D. (2012) "Irony and Plato's *Menexenus*," *L'Antiquité Classique* 81, 13–30.
- Forsdyke, S. (2012) "'Born from the Earth': The Political Uses of an Athenian Myth," *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 12, 119–141.
- Frangeskou, V. (1999) "Tradition and Originality in Some Attic Funeral Orations," *Classical World* 92, 315–336.
- Grethlein, J. (2006) "The Manifold Uses of the Epic Past: the Embassy Scene in Herodotus 7.153–63," *American Journal of Philology* 127, 485–509.
- Gruen, E.S. (2010) *Rethinking the Other in Antiquity*. Princeton.
- Hall, J.M. (1997) *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge.
- Harding, P. (2008) *The Story of Athens. The fragments of the local chronicles of Attika*. London.
- Hölscher, T. (2008) "Images and Political Identity: The Case of Athens," P. Low, ed. *The Athenian Empire*. Edinburgh.
- Immerwahr, H.R. (1973) "Pathology of Power and the Speeches in Thucydides," P.A. Stadter, ed. *The Speeches in Thucydides*. Chapel Hill, 16–31.
- Isaac, B. (2004) *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton.
- Kearns, E. (1989) *The Heroes of Attica*. Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement 57. London.
- Laird, A.G. (1933) "Herodotus on the Pelasgians in Attica," *American Journal of Philology* 54, 97–119.
- Lape, S. (2010) *Race and Citizen Identity in the Classical Athenian Democracy*. Cambridge.

- Leão, D.F. (2012) "The Myth of Autochthony, Athenian Citizenship and the Right of *Enktesis*: A Legal Approach to Euripides' *Ion*," B. Legras & G. Thür, hrsg. *Symposion 2011. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Wien, 135–152.
- Loraux, N. (1979) "L'autochtonie: un topique athénienne. Le Myth dans l'espace civique," *Annales E.S.C* 34, P.3–26.
- Loraux, N. (1993) *The Children of Athena. Athenian Ideas about Citizenship and the Division Between the Sexes*. Princeton.
- Loraux, N. (2000) *Born of the Earth. Myth and Politics in Athens*. Ithaca and London.
- Nielsen, T.H. (1999) "The Concept of Arkadia – The People, their Land, and their Organization," T.H. Nielsen & J. Roy, eds. *Defining Ancient Arkadia. Acts of the Copenhagen Polis Centre*. Vol. 6. Copenhagen, 16–79.
- Parker, R. (1987) "Myths of Early Athens," J. Bremmer, ed. *Interpretation of Greek Mythology*. London, 187–214.
- Pelling, C. (2009) "Bringing Autochthony Up-to-Date: Herodotus and Thucydides," *Classical World* 102, 471–483.
- Rhodes, P.J. (1993) *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rosivach, V.J. (1977) "Earthborns and Olympians: the Parods of the *Ion*," *Classical Quarterly* 27, 284–294.
- Rosivach, V.J. (1987) "Autochthony and the Athenians," *Classical Quarterly* 37, 294–306.
- Roy, J. (2011) "On seeming backward: how the Arkadian did it," S. Lambert, ed. *Sociable Man. Essays on Ancient Greek social behaviour, in honour of N. Fisher*. Swansea, 62–85.
- Roy, J. (2014) "Autochthony in Ancient Greece," J. McNerney, ed. *A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean*. Wiley–Blackwell, 256–269.
- Saxonhause, A.W. (1986) "Myths and the Origins of Cities: Reflection on the Autochthony Theme in Euripides' *Ion*," J.P. Euben, ed. *Greek Tragedy and Political Theory*. Berkeley & Los Angeles, 252–273.
- Shapiro, H.A. (1998) "Autochthony and the Visual Arts in the 5th century Athens," D. Boedeker, K. Raaflaub, eds. *Democracy, Empire and the Arts in Fifth-Century Athens*. Cambridge (Mass.), 127–151.
- Sourvinou-Inwood, C. (2003) "Herodotus (and others) on Pelasgians: Some Perception of Ethnicity," P. Derow & R. Parker, eds. *Herodotus and his World*. Oxford, 103–144.
- Thomas, R. (2000) *Herodotus in Context. Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge.
- Thomas, R. (2001) "Ethnicity, Genealogy and Hellenism in Herodotus," I. Malkin, ed. *Ancient Perception of Greek Ethnicity*. Washington.
- Tsitsiridis, P. (1998) *Platons Menexenos: Einleitung, Text und Kommentar*. Stuttgart.
- Wickkiser, B.L. (1999) "Speech in Context: Plato's "Menexenus" and the Ritual of Athenian Public Burial," *Rhetoric Society Quarterly* 29, 65–74.
- Zacharia, K. (2003) *Converging Truths: Euripides' Ion and the Athenian Quest for Self-Definition. Mnemosyne Suppl. 242*. Leiden–Boston.

Russian language sources transliterated:

Gigauri, D. I., Gutorov, V.A. (2017) "Politicheskij mif v strukture istoricheskoy pamyati," *Vestnik MGU. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 24–45.

Gushchin, V. R. (2018) "Tezej i ustanovlenie demokratii v Afinah," *Pentekontaetia. Issledovaniya po antichnoj istorii i kul'ture*. Pod red. O.L. Gabelko, A.V. Mahlayuka, A.A. Sinicya. Moscow–St.-Petersburg, 44–49.

Knabe, G.S. (1993) *Materialy k lekcijam po obshchej teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima*. Moscow.

Kovaleva, I. I. (2004) "Erihtonij: mif v strukture Panafinej," *Vestnik drevnej istorii* 4, 129–134.